

ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ: ЭВОЛЮЦИЯ РАЦИОНАЛИЗМА

Представлен анализ основных направлений теоретизирования по проблеме современного рационализма. Проведенный анализ показывает изменения дискурса по данной проблеме в направлении перехода от универсалистской интерпретации рационализма, которая доминировала в классической парадигме мышления, к попытке структурировать дискурс по проблеме на основании осмысления рационализма в терминах плюрализма, вариативности, культурного разнообразия, фрагментаризации.

Ключевые слова: рационализм; универсализм; плюрализм; вариативность.

В XX–XXI вв. происходят такие метаморфозы культурных образований, которые не укладываются в классическую парадигму культуры. Теряют позиции сциентизм и евроцентризм, что означает распад определенных культурных форм. Сциентистски ориентированная новоевропейская культура претерпевает кризис в своем развитии. Исторически сложившиеся формы ее ценностей (рационализм, гуманизм, индивидуализм, инструментализм) основаны на уже устаревшей картине мира, на идее бесконечности ресурсов, которые находятся в распоряжении цивилизации, и бесконечной деятельности индустриального прогресса (по определению Р. Гвардини). Внутри современной культуры возникают некоторые зачатки, прообразы другого (посттехнократического) периода культурного развития. Новая картина мира будет строиться на преодолении антропоцентристских установок, в центре гуманистического мировоззрения должен стоять не человек сам по себе, а бытие человека в мире. Изменения в ядре новоевропейских культурных ценностей формируют новый дискурс по проблемам трансформации ценностей современной культуры. Особенно впечатляющие изменения связаны с ценностью рационализма, рефлексия по поводу которой служит предметом дальнейшего анализа.

Принцип классического буржуазного рационализма состоял в утверждении тождества разума и бытия, при котором разум сам рассматривался как природное свойство. В классическом рационализме все знание трактовалось как продукт самосознающей деятельности разума, являющегося врожденным качеством человеческой природы. В этой связи неразумность и заблуждения в знаниях человека возникают не из самого разума как качества человеческой природы, а из его неправильной деятельности или недостатка опыта. Науки о жизни и истории нанесли в конце XIX в. мощный удар по классическим рационалистическим моделям, выявив историческую ограниченность и относительность последних. Определенное влияние на рациональные убеждения оказало изменение представлений о человеке и человеческой природе. С. Кьеркегор, Ф. Ницше, философия жизни, психоанализ и экзистенциализм продемонстрировали человеку всю сложность его личности, выделили влияние подсознательного на сферу сознания, в том числе и на рациональную мыслительную деятельность.

Кризис натуралистической программы в конце XIX – начале XX в. был связан с осознанием различий природы и культуры. В культурцентристской исследо-

вательской программе культура становится логически первым объектом. В XX в. противоречие двух исследовательских программ: натуралистической и культурцентристской – явилось одним из источников «движения методологического знания и науки» [1. С. 65]. А. Бергсон, Э. Гуссерль, М. Вебер, М. Хайдеггер, К. Ясперс и другие определили тот угол зрения, под которым тема рациональности обсуждается сейчас, а именно как вопрос о формообразующем принципе жизненного мира и деятельности человека, определяющем отношение человека к природе и себе подобным.

В настоящее время понятие рациональности претерпевает коренную ломку. В европейской философии и культуре настал момент, когда выявляются ограниченность и противоречивость сложившегося типа рациональности. А. Этциони выделяет три главные атаки на мышление рационализма: первая была предпринята во имя справедливости и равенства, вторая началась в виде контркультуры, третья – как протест против разграбления природной среды. Рациональность значительно ослабела, но не опрокинута, она остается относительно сильным принципом, ориентирующим в выборе средств и подвергаемым критике основным проектом высокого производства и потребления. «Извне “золотого века” потребления были брошены вызовы рациональности» [2. С. 302]. Одновременно происходит утверждение альтернативных культур и субкультур. Данный процесс отражается в современных дискурсах вокруг трактовки рациональности.

Кризис классического рационализма обусловлен несколькими причинами: неясностью взаимоотношения трех классических парадигм (представления о рациональности как разумности, как системе методологических норм и как характеристике культурной системы); абстракцией понятия разумности; спецификацией и фрагментаризацией сферы разумного. Разрушается образ самостождественного и автономного разума, присутствующего в человеке, природе, обществе, всегда адекватного и целесообразного, представляющего собой высшую человеческую ценность. Реальный разум ограничен, иногда управляется подсознательными импульсами и влечениями. Кризис разума сопровождается диффузией метода как основного свойства научного знания. Для XX в. характерен переход от статического анализа феномена рациональности к динамическому. Все сферы культуры, познавательной деятельности, духовного производства обнаруживают свои особенные, несводимые к другим формы рациональности.

Критические установки на научную рациональность сопровождаются попытками дополнить ее другими типами: рациональностью мифа, веры, религии, искусства, философии. В дискуссиях по рассматриваемой проблеме можно выделить диапазон представлений – от попыток удержать возможно больше черт классического рационализма до изменения его на противоположный тип (работы Т. Адорно, Дж. Ваттимо, П. Ланжевана, К. Леви-Стросса, А. Роке, М. Хоркхаймера, Ю. Хабермаса и др.; Н.С. Автономовой, А.Ф. Зотова, И.Т. Касавина, М.А. Кисселя, Н.В. Мотрошиловой, В.А. Подороги, Б.И. Пружинина, А.И. Ракитова, В.С. Степина и др.). После распада классического рационализма, предполагавшего непосредственное воспроизведение абстрактным субъектом предзаданных оснований, поиск новой рациональности во многом (хотя и неосознанно) определяется задачей переосмысления старой схемы (например, программы децентрации, антифундаментализма и др.). Исследователи зачастую говорят не об отбрасывании классического рационализма, а о его расширении и дополнении. Одним из расширений рационализма является отказ от редукционизма, смысл которого состоит в замене относительно простых объектов анализа конструкции множеством различных интерпретаций. В результате возникает некая голографическая картина, и понимание смысла выходит на новую ступень. Такой подход утверждает множество антиредукционистских интерпретаций, опирающихся на представление об Универсуме «как о некоторой целостной Суперсистеме» [3. С. 6].

Противоречивость познавательной ситуации поиска новой рациональности углубляется усиливающейся тенденцией к иррационализации, проявляющейся в двух формах: концептуальной (философия жизни, экзистенциализм и другие теории) и неконцептуальной (анализ внерациональной практики межличностного общения, мистического, религиозного опыта и т.д.). Критерии отличия рационального от нерационального становятся зыбкими. Эта ситуация проявляется в создании таких «гибрид-объектов» (по определению Н.С. Автономовой), как «дорациональное-рациональное», «рациональное-иррациональное», «мистически рациональное», в которых отражается концепция двух логосов (дискурсивности и логической интуиции), существующих в европейской культуре. В результате возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, критерии рациональности специфицируются и уточняются (например, в естественнонаучном познании), с другой – они размываются под влиянием массы иррационального. В общем мыслительном пространстве возникают неоднородные участки, существующие под общим названием рационального. «При этом ослабленными и размытыми оказываются едва ли не все параметры рациональности в традиционном ее понимании – системность, обоснованность, доказательность, всеобщность» [4. С. 56]. В современной философской литературе утверждается точка зрения, отрицающая существование единого разума.

Плюрализм различных типов рациональности ставит под сомнение существование рациональности «вообще», а само понятие «превращается в смутную идеализацию с неопределенной предметно-смысловой областью». Рациональность варьирует от ее понимания

как понятия-проблемы, обладающего псевдометодологическим, псевдопредметным и псевдосоциальным смыслом, до попыток определения через новые оппозиции (рациональное-историческое – Н.С. Автономова, разум – множество разумов – Дж. Ваттимо и т.д.). Дилемма, возникающая в процессе типологизации рациональности, – признание существования суверенных типов рациональности или оценка разных типов рациональности как противоречивого единства. Рассмотрение проблемы в современной философской литературе строится в русле исследования суверенных типов рациональности, что соответствует, на наш взгляд, «мозаичному» типу культуры XX в., отрицающему какие то ни было типологии, классификационные схемы, которые были характерной чертой классической новоевропейской культуры. В связи с этим предлагаемое исследование современных типологий рациональности носит описательный и фрагментарный характер, предзаданный изучаемым предметом. Дихотомия «рациональных» и «традиционных» обществ явилась стимулом к разработке идеи двух типов рациональности, которые были названы М. Вебером ценностной и целевой. Первый тип характеризует традиционные общества, где отношения между людьми строятся в соответствии с системой ценностей, незыблемость которой гарантируется исторической традицией. Целерациональность характеризует деятельность и отношения в рамках буржуазного общества. Тем самым М. Вебер связывает специфику рационального с различными типами социокультурных систем, что открывает перспективу построения рациональности на основе типологии социокультурных контекстов деятельности и мышления. Сама эта идея представляет собой сдвиг огромной важности, так как она вводит «представление о меняющемся социальном содержании и социальном основании рациональности» [5. С. 13].

Узкая интерпретация рациональности строится на ее понимании как различных срезов научной рациональности – это критикуемость (К. Поппер), набор объяснений (С. Тулмин), рафинированный стандарт в рамках одной научной парадигмы (Т. Кун). Расширительную концепцию рациональности выдвинул Д. Кинс, показавший, что рациональность представляет собой универсальный социокультурный феномен, регулирующий согласованную групповую деятельность. Протест против логицистской формы представления исторического, получивший высшее развитие в философии Гегеля, вылился у сторонников формирующегося антропологического направления в неприятие рационализма в его прежней форме, не способного, с их точки зрения, постичь суть исторических явлений. Метафизический разум подвергается критике в эволюционной теории познания, главная идея которой заключается в том, что интеллектуальные действия человека, возникновение и проявление которых генетически обусловлено, являются результатом биологической эволюции. Метафизический разум нанес особый ущерб в освещении проблемы духовного и телесного. В качестве общенаучной концепции «естественной истории человеческого познания» (К. Лоренц) эта теория сформулировала ряд положений, обогащающих понимание познания.

Философская школа «Ослабления мысли» выдвинула идею плюрализма разумов, основывающуюся на оппозиции: разум – различные виды разума, которая транслировала оппозицию между метафизическим присутствием правды и открытием практического характера рациональных продуктов (произведений). С точки зрения Дж. Ваттимо, открытие Ф. Ницше и М. Хайдеггером «различия», забытое в истории философии, может быть оценено как новый фундамент философской мысли. Более того, оно может быть понято как ослабление метафизического понимания бытия; понимания бытия как цепи событий, а не как стабильной структуры. Такое понимание бытия составляет характерную черту культуры постмодернизма. Деструктивный аспект постмодернистской мысли направлен против описания и легитимации исторического существования в форме классического разума. «Онтология упадка», общая для Ф. Ницше и М. Хайдеггера, не выходит за рамки чистой концептуальности, но, скорее, переходит в отношение «более общей трансформации условий существования, чем и является мир технологии» [6. С. 84]. К этой «онтологии упадка» обращается аналогия «ослабления мысли». Только «слабая мысль» может дать строгую концепцию разума и присутствия бытия, не впадающую в метафизический дискурс. В современных итальянских дебатах можно отметить возрастающую тенденцию к гомологии постмодерна, выражающуюся в фиксации проблемы плюрализма разумов.

Два типа рациональности – законодательный и интерпретирующий – выделяет З. Бауман. Законодательный разум появился в эпоху модерна и нашел отражение в попытках философов заменить хаос порядком, базирующимся на конструированиях, соответствующих законам единообразного утверждения разума. Интерпретирующий разум, стратегия которого была разработана З. Фрейдом, М. Хайдеггером, Л. Витгенштейном, Х. Гадамером, П. Риккером, Ж. Деррида, Р. Рорти, появляется в связи с ощущением человеком «внутренне плюралистической природы мира и ее следствием – амбивалентностью и непредзаданностью человеческого существования» [7. С. 49].

Разрушение классического рационализма проявляется и в трактовке частной проблемы: научной рациональности. Основные тенденции, сложившиеся в ее решении в философии науки: разочарование в науке как едином образце рационального исследования; протест против ценностно-нейтрального подхода к рациональности; различие между типами человеческого отношения к миру и к себе; выход на первый план таких черт рациональности, как относительность, социальность, историчность. Если новоевропейская культура эпохи подъема не сомневалась в том, что все научное лучше ненаучного и что наука способна осчастливить человечество, то в течение последних десятилетий эта картина резко изменилась, сменяясь все более настороженным отношением к науке и ее результатам. П. Фейерабенд начал призывать к распространению плюрализма за рамки конкуренции научных теорий, к критике мышления, института науки и вообще европейской культуры. Во всех науках осознана необходимость методологической реформы. Высказывается критическое отношение к рациональной научной парадигме. Наука в современном

словоупотреблении означает разрабатываемый разумом проект добычи объективного знания, что предполагает вызов всех вещей на суд субъекта и расследование их с тем, чтобы они сами выдали нам причину, почему они объективно таковы, каковы они есть. Современная парадигма знания выходит за рамки классической.

Развитие науки привело к тому, что представления о детерминизме становятся все более сложными и гибкими. Современная наука не только стремится к формализованному и алгоритмизированному знанию, но и хочет понять, все ли в мире алгоритмизируемо и формализуемо. Классический детерминизм опирался на представление о неизменных законах, управляющих всеми вещами в мире. В современной науке эти представления вытесняются идеей порядка в универсуме. Новая объяснительная парадигма опирается на понятие порядка, беспорядка, взаимодействия и организации. Человеческий разум составляет конституирующий момент познания, и это представляется указанием на необходимость «преодолеть жесткую метафизическую оппозицию в подходе к случайному» [8. С. 145, 146]. С точки зрения И. Пригожина, нестабильность в современной науке (синергетике) в некотором отношении заменяет детерминизм. Нелинейность – концептуальный узел новой парадигмы.

В мировоззренческом плане идея нелинейности может быть эксплицирована посредством идеи многовариантности, альтернативности путей эволюции. Попытка поисков новой научной рациональности отразилась в социокультурной практике в движении за «банкротство науки». Существует много объединений и групп, пытающихся противостоять тому, что они называют гегемонией науки в культуре. Часть из них сосредоточивает внимание на эпистемологических проблемах и принципах науки, часть – на технологических результатах научного познания, третьи уповают на возврат к романтизированной домодернистской версии науки и познавательной деятельности. Их объединяет одно – отстаивание тезиса о конце науки в том ее виде и смысле, который сегодня общеизвестен. Дж. Холтон выделяет среди этих объединений четыре наиболее серьезных течения. Представители первого утверждают, что статус науки не выше статуса любого полезного в практическом смысле «функционального мифа» (Н. Хоссе). Другие – интеллектуалы, не успевающие за фантастическим взрывом науки и «нападающие на нее» (А. Кестлер). Третьи возрождают дионисийство в стремлении отыскать параллели между мышлением «нового века» и восточным мистицизмом. Четвертые видят примитивность современной науки в применении синдрома «андроцентризма». Человечество подошло к черте, за которой может последовать еще более радикальная моральная, социальная, социокультурная, политическая революция, чем это могли себе вообразить основоположники современной западной культуры. Два фактора создают благоприятную почву для современного антициентизма: протест людей против эры технологического варварства, угрожающего жизни людей, и современное массовое экологическое движение, утверждающее новый рационализм – системно-экологический стиль мышления. Ряд западных культурологов (О. Тоффлер, Э. Фромм) утверждают, что современная цивилизация

достигла необычайных высот в искусстве расчленения целого на части, в ней преобладают умственная ориентация и интеллект. Дорогу такому подходу проложила наука, которая является доминирующей сферой культуры в европейском сознании начиная с Нового времени. Наука до сих пор выступает главной коммуникативной силой в культуре. «Плюрализм

идентичностей – таков один из ключевых факторов современного мира, и наука не является исключением» [9. С. 289]. В процессе формирования новой (посттехнократической) культуры неизмеримо возрастает «роль способов и средств, с помощью которых можно и нужно вырастить человека в человеке – “внутреннего человека”» (Ф.М. Достоевский).

ЛИТЕРАТУРА

1. Федотова В.Г. Социальное знание: между наукой и культурой // Наука и технология: методологические аспекты взаимодействия. М. : ИФРАН, 1990.
2. Этциони А. Масштабная повестка дня. Перестраивая Америку до XXI века // Новая технократическая волна на Западе. М. : Прогресс, 1986.
3. Моисеев Н.Н. Мир XXI века и христианская традиция // Вопросы философии. 1993. № 8.
4. Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. М. : Наука, 1998.
5. Касавин И.Т., Сокулер З.А. Рациональность в познании и практике. М. : Наука, 1989.
6. Rosso S. Postmodern Italy: Notes on Crisis of Reason, “Weak Thought”, and “The Name of the Rose” // Exploring Postmodernism. Amsterdam (Philadelphia) : John Benjamin Publishing company, 1987.
7. Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии. 1993. № 3.
8. Сокулер З.А. Спор о детерминизме во французской философской литературе // Вопросы философии. 1993. № 2.
9. Водопьянова Е.В. Европейская наука в зеркале национальных культур // Европейская культура: XXI век / под ред. Е.В. Водопьяновой. М. ; СПб. : Нестор-История, 2013.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 16 июня 2014 г.

VALUES OF MODERN CULTURE: EVOLUTION OF RATIONALITY

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 85-88.

Korobeynikova Larisa A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: larisa_korobeynikova@rambler.ru

Keywords: rationality; universalism; pluralism; variation.

In the contemporary European philosophy and culture the understanding of the limits and contradictory nature of the classical type of rationality is formed. The classical concept of rationality is based on the interpretation of knowledge as the result of reason activity. Reason was considered as a natural ability of human nature. The crisis of the classical concept of rationality is caused by the following motives: 1) vague interrelationships of three classical paradigms (rationality as reason, as a system of methodological norms, as a feature of a cultural system 2) abstraction of the notion of reason; 3) specification and fragmentation of the sphere of reason. The image of the universal reason, which is present in the human being, in nature in its adequate and expedient form of the highest value, is destroyed. Real reason is limited, sometimes governed by unconsciousness impulses and inclinations. All spheres of culture, cognitive activity, mental production have their own specific forms of rationality. Criticism of scientific rationality is concerned with the intention to broaden scientific rationality by adding other types of rationality: myth, beliefs, religion, philosophy, art. Theoretical debates on this problem have different appraisals: from attempts to keep some features of classical rationality in a new form of rationality to attempts of creation of an entirely different type of rationality. After the collapse of classical rationality the search of a new rationality is directed to reinterpretation of the classical scheme (for example, the program of decentration, anti-foundationalism). Researches do not speak about the refusal from the classical scheme, but about its broadening and supplementing. One of the examples of rationality broadening is the refusal from reductionism: such an approach creates a lot of anti-reductionist interpretations based on the idea of the value of the Universe. The discrepancy of the cognitive situation of search of a new rationality is complicated by the growing tendency to irrationality which manifests in two forms: 1) theoretical (philosophy of life, existentialism, post-Freudism, etc.); 2) common discourse (analysis of non-traditional practice of communication; mystic, religious experiences, etc). As a result a paradoxical situation is formed: on the one hand, the criteria of rationality become more specific and precise (for instance, in sciences), on the other hand, these criteria become vague under the influence of irrationality. A narrow concept of rationality (criticism (K. Popper), explanation (S. Toulmin), standard within the boundaries of a scientific paradigm (T. Kuhn)) and a broad concept of rationality as a universal phenomenon which regulates human activity (D. Keens) are formed. In the present-day debates one can find a growing tendency to the homology of postmodernism which manifests in the representation of the plurality of reasons.

REFERENCES

1. Fedotova V.G. *Sotsial'noe znaniya: mezhdru naukoj i kul'turoj* [Social knowledge: between science and culture]. In: Panov M.I. (ed.) *Nauka i tekhnologiya: metodologicheskie aspekty vzaimodeystviya* [Science and technology: methodological aspects of interaction]. Moscow: IFRAN Publ., 1990.
2. Etzioni A. *Masshtabnaya povestka dnya. Perestrajivaya Ameriku do XXI veka* [Big agenda. Rebuilding America before the 21st century]. In: Gurevich P.S. (ed.) *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [New technocratic wave in the West]. Moscow: Progress Publ., 1986.
3. Moiseev N.N. *Mir XXI veka i khristianskaya traditsiya* [The world of the 21st century and the Christian tradition]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 8.
4. Avtonomova N.S. *Rassudok, razum, ratsional'nost'* [Intellect, reason, rationality]. Moscow: Nauka Publ., 1998. 160 p.
5. Kasavin I.T., Sokuler Z.A. *Ratsional'nost' v poznanii i praktike* [Rationality in knowledge and practice]. Moscow: Nauka Publ., 1989.
6. Rosso S. *Postmodern Italy: Notes on Crisis of Reason, "Weak Thought", and "The Name of the Rose"*. In: Calinescu M. and Fokkema D. (eds.) *Exploring Postmodernism*. Amsterdam (Philadelphia): John Benjamin Publishing company, 1987.
7. Bauman Z. *Filosofiya i postmodernistskaya sotsiologiya* [Philosophy and postmodern sociology]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 3.
8. Sokuler Z.A. *Spor o determinizme vo frantsuzskoy filosofskoy literature* [The dispute about determinism in the French philosophical literature]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 2.
9. Vodop'yanova E.V. *Evropeyskaya nauka v zerkale natsional'nykh kul'tur* [European science in the mirror of national cultures]. In: Vodop'yanova E.V. (ed.) *Evropeyskaya kul'tura: XXI vek* [European culture: the 21st century]. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2013.

Received: 16 June 2014